

12+

ЛЕОНИД ШАХОВЦЕВ

МАШЕНЬКА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ.

Леонид Шаховцев
Машенька. Маленькая
повесть о любви.

<https://litres.ru/74591559>

ISBN 9785007146029

Аннотация

Это автобиографическая повесть и все персонажи в ней — реально живущие, или жившие когда то люди. Она рассказывает о ребенке, который растет и познает мир, в сердце которого зарождается любовь к девушке, которая старше его самого. Главный герой проходит путь взросления через дружбу, любовь и первую потерю, которую он помнит всю жизнь.

**Машенька.
Маленькая
повесть о любви.**

**Леонид Леонидович
Шаховцев**

© Леонид Леонидович Шаховцев, 2026

ISBN 978-5-0071-4602-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У каждого из нас когда то обязательно была любовь всей его жизни. Та самая, которая бережно хранится в глубине души до самых последних дней. Любовь, о которой не знает

никто, кроме того человека, кому она была предназначена. А может быть и этот человек так никогда не узнал об этом... Любовь идущая из самого детства, чистая и светлая, честная и искренняя, радостная и печальная, счастливая и несчастная, взаимная и безответная. Но не смотря ни на что самая близкая и дорогая. И если ей суждено было быть неразделённой — она так и хранится в душе у каждого человека. В том самом укромном уголке, куда никому нет дороги, кроме него самого. К каждому из нас — мальчишек любовь приходила по разному: кто то влюблялся в свою соседку по парте, кто то в подружку по играм, кто то — даже в свою соседку — молодую девушку, студентку и просто красавицу. Возраст объекта нашей любви не был для нас помехой и мы вздыхали по «нашим девчонкам» и очень старались им понравиться. Мы рвали для них цветы в палисадниках тетушек — соседок, угощали фруктами и конфетами, а если сами стеснялись, то бывало так, что передавали свои «дары» через какого нибудь «надежного» и более смелого, но не заинтересованного товарища, или взрослого человека, а после мучались от своей собственной застенчивости и нерешительности. У каждого из нас был свой характер и свое, тогда еще детское, понятие о жизни, но в одном мы были едины — мы хотели поскорее вырасти, стать взрослыми, жениться на «своих возлюбленных» и считали что все нам по плечу, не задумываясь над тем, что вырасти мы все равно вырастем, а вот в свое детство больше никогда не вернёмся...

Но вот однажды я вернулся в свое детство, а вернее сказать — это оно вернулось ко мне. Вернулось в памяти и вновь пробудило все чувства и ощущения, которые я испытывал тогда, когда будучи ещё ребенком жил среди людей, оставивших в моей душе светлый и теплый след.

Эта история из моего детства. История светлая и грустная. История о моей первой и так и не сбывшейся любви. Никогда, никому я не рассказывал об этом, храня эту историю в своей душе более сорока лет. Но вот пришло и ее время. Я постараюсь рассказать все что помню сам. Ну а если вдруг что то и забылось за давностью лет — пусть мое сердце расскажет обо всем за меня. Ведь оно всегда и все помнит лучше, чем кто либо...

Котовой Марии Ивановне.
Моей Машеньке. С Любовью...

1.

Все началось со злополучных конфет. Мне три, или четыре года, я хожу в детский сад, который находится далеко от моего дома, в поселке Северный, на круглые сутки: меня отводят в понедельник, рано утром, когда все ещё спят и забирают вечером в пятницу. Но в этот раз в садик мне идти не нужно. Мама сегодня в ночную смену и я очень рад побыть дома. Но нужно сходить в магазин в поселке Южный и мы

идём вместе. Там мы покупаем разные продукты, а в кондитерском отделе я вижу разноцветные конфеты «горошек» и мама покупает их мне целый килограмм. Но сразу не даёт, говорит что даст после того, как я поем. Я иду в припрыжку обратно домой, держа маму за руку и уже предвкушаю, как буду лакомиться конфетками. Наконец мы приходим домой. Сумка разгружена и мама начинает меня кормить. Я с нетерпением глотаю гороховый суп и как всегда не доедаю до конца. Не привлекают даже макароны с котлетами, которые я тыкаю вилкой в дырочки с торца и представляю, что это большие трубы, а вилка — мой башенный кран. Я балуюсь за столом, не хочу есть. Конфеты — вот что я буду есть с удовольствием. Но мама строга: пока не поешь — конфет не получишь. И я думаю: вот буду я когда-нибудь взрослым, будут у меня дети, так я им всегда буду разрешать есть конфеты и другие сладости когда только захотят. С такими мыслями я кое-как расправляюсь с тарелкой макарон и котлетой. Наконец мама видя, что я все таки что-то не съел, даёт мне горсточку конфет. Сначала я пробую одну и она такая вкусная! Затем я рассасываю ещё одну, а после — сразу засовываю в рот три штуки и бегу в зал. Но по пути цепляюсь ногой за небольшой порожек перед залом. Конфеты из-за щеки, где они были до этого резво скачут мне в рот и в горло. Я инстинктивно глотаю, но конфеты крупноваты для моего, ещё детского пищевода и они застревают у меня в горле. Мне немного страшно и я бегу к маме. Говорить у меня не полу-

чается и я показываю пальцем на порожек, а после на горло. Мама понимает все сразу и у нее округляются глаза в которых начинают появляться слезы. Она стучит мне ладонью по спине, но конфеты не хотят выпрыгивать наружу. Она наклоняет мою голову вниз и снова стучит, но результата нет. Я понемногу начинаю чувствовать как мне не хватает воздуха, а конфеты как назло даже не пытаются выскочить. Мама плачет, отпускает меня, выбегает на улицу и кого то зовёт. На кухню, впереди мамы, заходит какая то женщина. Это соседка с угла нашего барака — тетя Полина. Они вдвоем переворачивают меня вниз головой и начинают трясти. Наконец одна из конфет решает, что ей надоело сидеть у меня в горле и она вылетает наружу, стучается об пол и лениво укачивается под кухонный стол. Это здорово, но внутри меня остались ещё две ее упрямые подружки и они никак не хотят под стол, к своей соседке по моему горлу. Меня опускают на пол и я становлюсь на четвереньки, а мама снова выбегает на улицу и о чём то просит кого то. От резких перемещений: сначала вниз головой, а после на четвереньки, меня мутит. А после рвет. И о, чудо! Вместе с супом и кусочком котлеты из меня нехотя выбираются обе конфеты и падают на пол в лужицу рвоты. Я снова могу нормально дышать. Аккуратно я поднимаюсь с пола и усаживаюсь на табурет. Тетя Полина обнимает меня и зовёт маму. Мама вбегает на кухню, видит лужицу с кусочками пищи на полу и ее начинает трясти, а после она рыдает. Я не могу понять почему, но на всякий

случай тоже начинаю потихоньку плакать. За окном гудит какая то машина и я, размазывая слезы по щекам, аккуратно переступаю порожек и зайдя в зал приникаю к окну. На улице стоит белая машина с красным крестом и синим мигающим фонариком на крыше. А возле нее стоят две, или три большие девочки, с которыми я вряд ли знаком и разглядеть которых мне мешает тюль на окне. На кухне раздаются чужие голоса, я чувствую запах лекарств и в зал входит молодой доктор в белом халате. Он усаживает меня в кресло, надевает на голову круглое зеркальце, достает из железного ящичка, который принес с собой, железную, плоскую палочку — шпатель и просит меня открыть рот. Этого доктора я не боюсь и смело открываю свой ротишко. Доктор осматривает мое горло, спрашивает у мамы про какие то аденоиды, а затем написав что то на бумажке уходит. Я снова иду к окну и смотрю за тем как доктор садится в машину и она медленно едет задним ходом, постепенно исчезая за терраской наших соседей, которые живут справа. Мама выходит на улицу и я слышу как она благодарит девочек, а после — отдает им все мои конфеты. Но мне их не жалко. Единственное что меня беспокоит — это то, что не может ли с ними случиться тоже самое, что и со мной. И я спрашиваю об этом маму, которая уже давно меня целует и обнимает. Она отвечает, что с ними все будет хорошо, потому что они уже большие девочки и ходят аккуратно, глядя под ноги, а не бегают по дому сломя голову. И я успокаиваюсь...

На следующий день, когда мама приходит с работы и отдохнув начинает готовить еду, я спрашиваю у нее про девочек: не знает ли она, понравились ли им мои конфетки и кто эти девочки. Она говорит, что наверное понравились. А на вопрос о том, кто такие эти девочки — она отвечает что две из них из какой то деревни Тифинки (на самом деле деревня называется Тихвинка, но Тифинкой ее называли все. Видимо так было проще выговаривать), а третья — живёт рядом с нами. Ее зовут Маша и она дочка тети Ани и дяди Вани Котовых. Я не очень хорошо понимаю о каких Котовых идёт речь, так как не очень часто бываю дома, а живу в детском саду и в этот раз мне просто повезло, что мама на два дня меня оставила дома. Потом будут выходные, а в понедельник мне снова ни свет, ни заря топать с папой в детский сад. Потому что со мной некому сидеть, а сам я «ещё мал быть один дома» — так мне говорят родители. А мама рассказывает дальше: что когда я подавился конфетами, она выскочила на улицу и позвала соседку, а после увидела идущих мимо девочек и попросила их вызвать мне «скорую помощь», что бы меня спасли, иначе я мог задохнуться и умереть. Что такое "умереть" - я не знаю, но чувствую внутри себя, что это что то очень нехорошее и даже страшное. Мне становится не по себе и я всхлипываю. Девочки, по словам мамы, побежали искать телефон, позвонили и вызвали мне доктора. И хотя конфеты благополучно выскочили сами, я очень благодарен этим девочкам и мне хочется сказать им спасибо за то, что

они меня спасали, но я не знаю где они живут и от этого становится грустно. Меня утешает только одно: что им понравились конфетки, а так же, что рядом с нами живёт одна из них и её зовут Маша. И мне хочется пойти к ней и сказать ей спасибо, но мама не пускает. «Потом скажешь — говорит она — Маша рядом живёт и никуда не уйдет». Я говорю, что хорошо что Маша живёт рядом. Мне очень хочется посмотреть на нее, какая она эта Маша, которая побежала звать ко мне доктора... С этими мыслями, после ужина и посмотрев мультфильм в передаче «Спокойной ночи малыши», я ложусь спать и засыпаю... И мне снится Маша, которая живёт по соседству с нами и которую я никогда не видел. Она хорошая и добрая, она очень ласковая и у нее красивый голос. И сама она очень красивая. Она угощает меня клубникой — ягодами, которые я очень люблю...

Так в моей жизни появилась Маша. Девушка, которая вместе со своими подружками поспешила мне на помощь, которая каждый день проходила мимо моего дома возвращаясь с работы, а иногда, заходила к нам в гости и играла со мной в игрушки и к которой потянулась моя, тогда ещё наивная и чистая детская душа. Девушка, которая сама того не подозревая, стала для меня по настоящему самым близким человеком в жизни.

Я живу в поселке Скуратово. И он настолько большой, что вмещает в себя ещё ряд поселков: Южный (где много магазинов и самый главный — магазин игрушек со странным названием «Культтовары»), Северный (где находится мой детский сад), Западный (где больница, в которой я лежал) и Восточный (где живёт моя воспитательница Татьяна Александровна и два ее сына — Гриша и Саша. Они тоже ходят в мой садик, только Гриша уже большой и он в старшей группе, а Саша со мной — в младшей). Других поселков я ещё не знаю, как не знаю и деревень, расположенных вокруг. Ещё знаю, что у нас есть шахты в которых под землёй шахтеры добывают уголь, которым потом топят печки, если дома нет газа. У нас есть газ, поэтому уголь я видел только в книжке. Я живу в браке на улице Фрунзе. Кто это такой я не знаю, но мама мне рассказала, что был такой «красный командир». Про «красного командира» я слышал в песне, только там другой какой то командир. Щорс — так его зовут. У него «голова обвязана, кровь на рукаве»... Наверное этот Фрунзе когда то давно воевал за наш брак, раз его именем назвали целую улицу на которой я теперь живу. В нашем браке живут несколько семей и бывая дома, особенно тогда когда мне не нужно в садик, я тороплюсь узнать обо всем на свете: где я живу, кто живёт рядом и прочее. И постепенно я узнаю, что справа от нас, с начала барака живут Титовы: дедушка Вася и его жена тетя Полина. Через стенку с правой стороны с нами живут Журавлёвы: бабушка Клава, тетя Галя, дядя Ваня (он рабо-

тает на шахте) и их сын Сережа, который младше меня на год. Серёже в сад ходить не нужно — у него есть бабушка, она с ним «сидит». А моя бабушка далеко — в каком то Овсянниково, где железная дорога. Дальше живём мы: я и мама с папой. Слева через стенку живут Бобковы: дедушка Вася и баба Маня. Дальше живут Крысины: дядя Витя и тетя Вера, а с ними их сын Володя. Следующими живут Котовы: дядя Ваня, тетя Аня и их дочь Маша. И последними — Гусаровы: тетя Лида, дядя Коля и их сын Саша. Все это я разузнавал, когда бывая дома ходил знакомиться с соседями, которых видел на улице. И вот теперь я уже знаю где живёт Маша и кто её родители. Соседи у нас хорошие: встречаясь со мной они всегда здороваются и спрашивают как у меня дела. Я говорю что хорошо и всегда им улыбаюсь. Почти всех соседей я видел и узнаю их в лицо. Вот только Машу я ещё не видел ни разу и мне очень хочется на нее посмотреть.

Прошло несколько дней после случая с конфетами и я снова дома играю со своими игрушками. Папа ушел на Ясную Поляну к моей второй бабушке, а мама дома что то готовит. На улице лето, жара. Входная дверь на улицу открыта и мама ходит туда — сюда: то на улицу из дома, то домой с улицы. Мне одному на улицу ещё ходить нельзя, поэтому я и играю в свои игрушки. И вдруг я слышу мамин голос: «Маша, зайди пожалуйста к нам». Маша... Та самая Маша, которая побежала за доктором?! Я волнуюсь, собираю разбросанные игрушки и спешу к двери из зала, где я играл на кухню, к

уличной двери. Но не успеваю. Мне навстречу входит высокая девушка с длинными черными волосами до плеч и яркими, пронзительными, красивыми глазами. И сама она такая красивая, что я тут же теряюсь и забываю что хотел сказать при встрече с ней. Она присаживается на корточки рядом со мной, оправляет подол своего платья и говорит мне: «Здравствуй, Леня». Она знает как меня зовут! Но откуда? Голос у нее такой же красивый как и она сама. Я мямлю «Здравствуйте» и жутко стесняюсь, отчего краснею и опускаю глаза в пол. Мама предлагает ей присесть в кресло и идет на кухню ставить на плиту чайник. Маша садится в кресло и снова смотрит на меня. А я даже не знаю что ей сказать. Наконец я решаюсь и выдавливаю из себя: «Спасибо». Маша искренне удивляется: «За что?» А я не знаю что говорить дальше. Положение спасает мама. Она уже поставила чайник на плиту и пока он закипает, она входит в зал и говорит Маше: «Маша, спасибо тебе большое за то, что ты тогда позвонила в „скорую помощь“. Если бы не вы с девочками, его бы уже у меня не было»... И плачет. Маша берет ее за руку и говорит: «Ну что Вы. Я и сама испугалась, что с Вашим сыном случилась беда. Но хорошо, что все обошлось», смотрит на меня и улыбается. Мама успокаивается и идёт готовить чай, а Маша... Маша понимает что со мной происходит. Поэтому она берет меня за руку и начинает ласково со мной разговаривать. Я оттаиваю и уже через минуту я показываю ей все свои игрушки, а так же хочу ей подарить любую из них,

на ее выбор. Но Маша мне объясняет, что она уже давно, к сожалению, не играет в игрушки и что она уже работает. Но со мной она поиграет с удовольствием. Мама предлагает ей вместо чая пообедать с нами. Маша поначалу отказывается (этикет того времени), но после соглашается. И мы обедаем вместе, но не на кухне, а в зале. Я сначала стесняюсь Маши, но она меня успокаивает и я... Я начинаю привыкать к ней. Потом мы пьем чай и уже я рассказываю о детском садике, о других ребятах и девочках с которыми я подружился, о том, как ходил с папой на Ясную Поляну к бабушке... Ну а потом мы с Машей играем. У меня есть куклы, которые мне купили ещё до моего рождения, потому что думали что родится девочка, а родился я. Маша мне показывает как с ними играют в «дочки — матери» и ещё много других разных игр про которые я даже не знал. Через некоторое время Маша прощается со мной и мамой, говорит что ей нужно куда то сходить и уходит. Мне очень не хочется, что бы она уходила, но делать нечего, я вместе с мамой провожаю Машу до калитки и она обещает заходить ещё. Я так рад этому, что мне больше ни о чем не хочется думать как только об этом. Мама подает мне большой, красивый персик из тарелки и я угощаю им Машу. Она ласково обнимает меня, целует и говорит спасибо. Вечером, когда я ложусь спать я думаю о Маше: о том спит ли она сейчас и думает ли обо мне. Я начинаю тосковать по ней. Мне её не хватает. Постепенно я засыпаю и во сне я снова вижу Машу и понимаю, что это она

приснилась мне раньше, в ту ночь, когда днём я подавился конфетами. И в моем новом мне мы идём с ней по большому полю. Вокруг полно цветов и бегают разные животные: зайчики, лисы, медведи... Маша держит меня за руку и мы о чем то разговариваем. Она улыбается мне, а я улыбаюсь ей и мне хорошо и спокойно, как будто мы родные друг другу...

3.

В моей жизни есть только мама и папа. И больше никого нет. Есть соседи, с которыми я иногда болтаю, но порой им не интересна моя болтовня и они идут заниматься своими делами. Есть ребята и девочки в детском саду, мои ровесники, с которыми я провожу большую часть своей жизни. Мы давно привыкли друг к другу и нам уже порой не так интересно друг с другом как было вначале. Есть друг — сосед Сережа и Игорь из соседнего барака, с которыми мы вместе играем, когда я не в садике, а это случается не очень часто. И больше никого нет. Ни брата, ни сестры. И от этого мне очень одиноко. Любые разговоры с родителями по поводу братишки, или сестрёнки заканчиваются ничем. Они не хотят больше детей и не понимают меня, почему вдруг мне понадобилось об этом спрашивать. А мне... Мне так хочется о ком то заботиться. И что бы этот человек заботился обо мне. Мне не хватает тепла, ласки, участия, понимания... Мне не хватает любви. Что бы я мог отдавать свою любовь, и полу-

чать взамен такую же. Я не знаю как это правильно высказать, в силу своего возраста, поэтому по большей части не говорю об этом ни с кем. Я расту вне дома, в детском саду, который находится, по моим ощущениям, на краю света. То есть очень далеко от дома. И никого из близких нет рядом, особенно тогда, когда мне это необходимо. И мне приходится, пусть и с трудом привыкать к этому положению. Машу я вижу не часто. Иногда, а вернее сказать очень редко, она заходит что бы поиграть со мной. А ведь мне так её не хватает! Она очень хорошая: добрая и ласковая. А какой у нее чудесный голос! А глаза! Мне хочется, что бы она всегда была со мной. Я скучаю по ней, тоскую и в садике, и дома. И постоянно спрашиваю у мамы: «Почему Маша не идёт? Почему Маша так редко приходит?». На что получаю ответ: «Она работает», или «Она большая и у нее свои дела». И я как всегда остаюсь один со своими игрушками. Маши нет и ничто меня больше не радует...

Но однажды всё меняется. В наш садик приходит работать поварихой пожилая полноватая женщина — бабушка Фрося, которую все воспитатели зовут тётёй Фросей и я тоже не так называю. А она и не обижается. Вместе с ней, к нам приходит девочка. Ее зовут Олеся. Она ещё маленькая и ходит в младшую группу, тогда как я уже переведен в старшую. Олеся — спокойная и доброжелательная девочка. И у нее глаза такие же как и у моей Маши — добрые и красивые. Мне она нравится и мы потихоньку начинаем дружить. Тетя

Фрося тоже очень добродушная, спокойная женщина. Она работает не только поваром, но и остаётся с нами на ночь нянечкой. И вот однажды, перед сном, заметив что я лежу и тихо плачу в подушку она присаживается рядом со мной и ласково гладит меня по голове. А потом спрашивает, что у меня случилось. И я рассказываю ей все: и про свое одиночество, и про Машу и про то, что я очень сильно скучаю по ней... Тетя Фрося ласково улыбается мне: «Так я знаю твою Машу. Это моя племянница.» У меня перехватывает дыхание, а тетя Фрося продолжает: «дядя Ваня то, ее папа — это ж брат мой родной. И маму твою я хорошо знаю, и папу. Я ж недалеко от вас живу.» Я во все глаза смотрю на бабушку Фросю. Вот оно что! Она родственница Маши. А Олеся — ее внучка. Вот почему у нее глаза на Машины похожи. И вдруг тетя Фрося спрашивает: «Тебе нравится Маша?» Я молчу, потому что стесняюсь сказать и поэтому не знаю что говорить. Но что то внутри заставляет меня сделать это: «Она мне очень нравится. Она очень хорошая и добрая. И я ее очень люблю и скучаю по ней». Все это я выпаливаю одним духом и жду, что мне скажет тетя Фрося. А она вдруг обнимает меня и прижимает к себе. А после целует в лоб. И от этой доброжелательной ласки, от этих теплых рук я начинаю плакать. Тетя Фрося ласково гладит меня по голове и я заканчиваю то, что хотел сказать «Я хочу что бы Маша жила со мной. Я буду хороший, послушный и буду очень сильно ее любить». Тетя Фрося очень долго смотрит на меня, а потом

вздыхает: «Маленький ты мой — говорит она — тоскливо тебе одному то живется. Ни сестры, ни брата у тебя нет и не к кому даже прижаться, поделиться не с кем своим то, что на душе... Мама тебя родила поздно, да и дался ты ей очень тяжело, поэтому она тебя и не понимает. Была б она помоложе... А здесь уже возраст не тот, и понятие другое. Папка у тебя хороший человек, да вот беда — выпивает... — тетя Фрося спохватывается и смотрит на меня. Я молчу и она подумав говорит дальше — мама твоя этого не любит. Пьяных то есть. Да и кто их вообще любит то выпивших... Для женщины пьющий мужик — горе, деточка моя. Ну и пока навоюется с ним, хоть он и смирный человек, неплохой и сама устанет. На работе намыкается в три смены, да дома дела: готовка, стирка, уборка и все в одни руки. И тебе внимание нужно уделить. А времени у нее уже ни на что не остаётся. Так вот сынок бывает — она поправляет на голове платок и продолжает — и деток она не хочет больше потому, что одной то ей не справиться. Ты растешь, характер меняется, нужда у тебя уже другая. Вот и злится она и ругается, от того что помощи ей ни в чем никакой нет — ты то мал ещё, а от отца какая помощь... От того и любви ты толком от нее не видишь, хоть и любит она тебя. Поэтому тебе и нужна старшая сестра, что бы чуть постарше тебя по годам, но что б в одной поре вы были. Что б понимали друг друга. Ласки ты мало видишь, тепла мало чувствуешь, а мальчик ты добрый, хороший, ласковый, не то что есть сорванцы такие что...»

Она замолкает и гладит меня по голове: «Спишь может быть уже? А то я пойду?» Но я не сплю и тетя Фрося рассказывает дальше: " Ты в Маше и увидел такую сестру для себя, уж очень она тебе подошла: и добрая, и хорошая, и ласковая — врать не буду. Но так как семьи то у вас разные, и матери, и отцы разные, и живёте в разных домах, хоть под одной крышей, но разных, то и получается что она там, а ты здесь. И без нее тебе тошнохонько. Вот и полюбил ты её, хоть и по детски ещё, а полюбил всерьёз.». Внезапно она спрашивает: «А моя Олеся тебе нравится?» «Нравится — шепчу я еле слышно — она такая же хорошая как и Маша». «Ну и то ладно — говорит тётя Фрося и укрывает меня одеялом — спи детка, отдыхай. И не плачь. А я, как буду у вас — поговорю с Машей. Что бы она к тебе почаще поласковее была. Расскажу ей всё, а там как она сама решит...» И встаёт с кровати. «Она девочка понятливая, хорошая, она все поймет. Не горюй дитенок, мы и с этим справимся». И шаркая по полу тапочками она уходит к себе. И я впервые засыпаю спокойно, заручившись поддержкой и авторитетом тети Фроси...

Мы давно выросли и разлетелись по своим гнездам. Олеся — вышла замуж и счастливо живёт со своим мужем и сыном. Дай Бог им всего самого хорошего и доброго... Иногда мы переписываемся в сети и поздравляем друг друга с днём рождения. Бабушка Фрося — милая, добрая «тетя Фрося» — как звали ее мы — детсадовцы — умерла двадцать пять лет назад. Умерла дома, в окружении своих детей, внуков и

правнуков. Бог дал ей по доброте ее дожить до этих славных дней и уйти в кругу своей семьи. И хотя я не очень верующий человек и не верю ни в Ад, ни в Рай (в аду я пару раз был на земле, а вотрая так и не увидел), все равно я верю что наша добрая Ефросинья Дмитриевна Зотенко (в девичестве Котова) сейчас проживает именно в Раю. Том самом Раю, в который каждый стремится, но не каждому дано попасть... И если есть Бог на свете, то пусть он даст ей всего самого лёгкого и светлого в ее вечной жизни. Ну а я... Моя история ещё впереди и возможно когда нибудь я расскажу и её. А сейчас — это совсем другая история. История моей первой и единственной любви. И людей, которые будучи в моей жизни оставили в ней след своего тепла. И рассказываю я ее от лица мальчика, делающего свои первые самостоятельные жизненные шаги, который по мере взросления понимает, что в жизни все совсем не так просто, как казалось немногим ранее...

4.

С бабушкой Фросей мы очень сдружились. И кровать ее внучки Олеси теперь рядом со мной. И долгими вечерами, когда из садика забирают остальных детей и нас «ночников» остается от силы три — четыре человека, тетя Фрося рассказывает нам о своей жизни. О том, как она была на войне, как жили люди после войны, как рожали и воспитывали детей, отдавая им последнее. И нам очень интересно слушать эти

истории. Иногда, вместе с Олесею и тётей Фросей к нам в садик приходит старшая Олесина сестра Дина — красивая девочка, на несколько лет старше меня, которую я сразу, обладая хорошо развитым воображением нарядил в кокошник, платье из книжки и прозвал про себя «Василиса Прекрасная». Только ей не очень нравится возиться с нами, она больше помогает тете Фросе и ухаживает за младшей сестрой. А я держусь поближе к Олесе, ведь она ещё маленькая и мне хочется ее защищать и заботиться о ней, а ещё потому что она напоминает мне Машу, только ещё малышку.

И вот однажды происходит настоящее чудо. Как то раз, ближе к вечеру вместе с тетей Фросей вместо Дины к нам в сад приходит Маша. И я теряю голову: я ношусь перед ней, бегаю прыгаю: мол посмотри какой я ловкий. Но Маша не обращает на меня никакого внимания. И я приуныл. В кустах кто то шуршит я ринулся туда: может это крыса, которая лазила на прошлой неделе недалеко от кухни... Вот я сейчас ее поймаю и покажу Маше: смотри, какой я смелый! Все боятся эту толстую, рыжую крысу с длинным хвостом, даже воспитательница. А я вот сейчас возьму и поймаю ее! Но это оказывается наша садовская кошка, да ещё и с котятами. Она шипит на меня и царапнув по руке лезет со всем своим выводком глубже в кусты. Царапины не глубокие, но щиплют изрядно. Увидев мою окровавленную руку Маша изумлённо поднимает брови, а вот тетя Фрося сразу все понимает: «Маш, обработай ему рану и перевяжи героя — она улыба-

ется — видишь как старался, хотел тебе угодить». И подмигивает мне. «Зачем?» — голос Маши сосредоточенно-спокойный. Она приносит бинт и йод и тянет меня за здоровую руку к себе: «Давай посмотрим что там. Я тебя перевяжу и мне нужно тете Фросе помочь». Я чуть не плачу. А я то так старался! ... Заметив мое настроение тетя Фрося терпеливо ждёт, пока Маша закончит меня перевязывать и уводит ее с собой «доделать кое какие дела». И я остаюсь один. Не считая маленькой Олеси, которая хочет со мной поговорить. «Скажи, а это крыса была? — она делает круглые глаза — а она большая? Тебе больно?» При последних словах Олеся чуть не плачет и я сам чувствую что сейчас заплачу. Потому что Маша не оценила мое «геройство»... Но вот Олеся... Я смотрю на нее уже другими глазами, затем обнимаю и мы усаживается на лавочку перед клумбой с цветами. И я начинаю (как бы это сказать помягче) сочинять: «Конечно крыса — говорю я ей — и большая. Такая большая как кошка. Даже ещё больше. Она хотела к тебе подкрасться и утащить к себе в нору, как Шушара Буратино. Но я вовремя её заметил и придушил гадину!» Последнюю фразу я услышал в каком то фильме, но это уже не важно — Олеся смотрит на меня восхищенными глазами приоткрыв от удивления рот. Вот для кого я настоящий герой! А Маша... Может ей нужно, что бы я спрыгнул с крыши? Я поднимаю глаза на нашу крышу, к которой прикручен большой прожектор, который зажигают на ночь, а затем шарю взглядом по сторонам в поисках

лестницы. Но ее нет и я закусываю губу от огорчения. Да, я немного расстроен, но Олеся рассматривает мою забинтованную руку, потихоньку пальчиком трогает бинт и снова спрашивает: «Тебе не больно?» «Нет — отвечаю я приободрившись — это пустяки. Царапина. На войне и не такое бывает...» И эту фразу я «слямзил» из кино, но маленькая Олеся пока ещё верит всему. «Ты и на войне был? — спрашивает она — как наша бабушка?» «Нет — отвечаю я, понимая что „ври, ври, но меру знай“ — на войне я не был. Но когданибудь побываю». Мог ли я тогда знать, что эти слова окажутся пророческими и я дважды побываю на ней? Наверное нет...

На ужин — мои любимые «ёжики» — рисовые шарики обжаренные с двух сторон, а внутри мясной фарш. И с моей любимой подливкой — как в столовой, куда я ходил с мамой, когда мы бывали на Южном. Очень вкусная еда, мне она нравится. Интересно, а Маша умеет готовить такие «ёжики»? Если нет — тетя Фрося её научит. Вот мама не умеет, а у Маши наверняка получится. Раньше нас кормила бабушка Маруся, тоже хорошая женщина. Но она ушла от нас, потому что часто приходила на кухню «подшофе». Как это «подшофе» я не знаю. Может быть она ещё шофером работала? Многие взрослые слова и выражения мне очень интересны: что они значат. Я же расту, а значит они мне ещё пригодятся. Но некоторые я не всегда понимаю и тогда мне нужно объяснять.

Наконец ужин заканчивается и мы — «ночники» идём

мыть руки и обязательно в туалет — «что бы ночью в кровать не напузырили» — как говорит тетя Фрося. Свободных кроватей в нашей спальне много — почти всех ребят родители забрали домой. Остались только мы с Олесей и ещё один мальчик, у которого мама работает на обойной фабрике, которая находится недалеко от нашего сада. Тетя Фрося сегодня укладывается вместе с нами, на кровати которая ближе к выходу. Кровати у нас стоят попарно и она укладывает рядом с собой Олесю. «А Маша? — спрашиваю я её — где она будет спать? «А где захочет. Коек то у нас во сколько много» — тетя Фрося обводит рукой спальню — ты иди, детка, ложись мой хороший, отдыхай. Ручка не болит?» Я кошусь на забинтованную Машей руку и говорю что болит только немножко. «Как же ты кошку там не углядел? — спрашивает тетя Фрося — кошка когда с котятами всегда ободрать может». Я жму плечами: у меня кошки нет и их повадок я не знаю. Знаю только то что они едят творог и молоко и лазят по деревьям. «Ну ничего — ободряет меня тетя Фрося — до свадьбы заживёт» и ложится с краю, рядом с Олесей. А я иду неспеша к своей кровати, ложиться спать. Я раздеваюсь до трусов и майки, вешаю свою рубашку и штаны на спинку кровати и лезу под одеяло. В кровати холодно и нужно полежать немного под одеялом, что бы я потихоньку согрелся. Я ворочаюсь под одеялом, что бы лечь поудобнее и прогреться, пружины внизу скрипят и мне вспоминается раскладушка дома, на которой я иногда летом сплю — она так же скрипит

своими пружинами. В коридоре кто то гасит свет, оставляя гореть небольшой ночничок перед входом в нашу спальню, а затем я слышу неторопливые шаги. Это Маша. Она о чем то говорит с тетей Фросей. О чем — я не разберу — они говорят очень тихо, а затем я слышу шаги в мою сторону. «Спишь? — спрашивает меня Маша, вытирая волосы полотенцем быстро — быстро — как рука?» Я смотрю на нее: она такая ловкая, так быстро вытирает волосы, что бы они поскорее высохли. «Чуть чуть болит» — говорю я ей машинально и тут же спохватываюсь: зачем я ей сказал что болит, надо было сказать что наоборот все хорошо... Она вешает свое полотенце у меня над головой на вторую спинку кровати и садится рядом со мной. «Скучаешь? — спрашивает она меня и я вздыхая отвечаю что да, думая что она спрашивает о себе. «Как же ты так далеко забрался от дома?» — снова спрашивает она и я жму плечами под одеялом: «Не знаю — говорю я ей — в другом саду не было мест... Я здесь уже почти три года». Маша смотрит на меня и я смущаюсь. «Ну ничего — говорит она — уже не долго осталось. Ещё год и пойдешь в школу». «С тобой?» — с надеждой спрашиваю я и Маша тихо смеётся. «Нет, я ее давно закончила. А вот ты только пойдешь — говорит она и поправляет мне одеяло — ладно, спи давай» и встаёт. Я слышу как удаляются ее шаги и мне становится очень тоскливо: мы так мало теперь видимся и совсем не разговариваем, а при встрече просто здороваемся и все. Она обходит наш ряд постелей и подходит

к кровати рядом со мной. Я слышу как она потихоньку ложится на соседнюю кровать и поворачиваюсь к ней. «Ты все ещё не спишь? — удивлённо спрашивает Маша и протягивает ко мне руку. А я... Я хватаю ее ладонь и прижимаюсь к ней щекой. И неожиданно для себя всхлипываю. «Ты что? Что случилось? — Маша не понимает что со мной происходит, от того теряется и говорит — будешь плакать — я уйду». Я пытаюсь перестать, хотя получается не очень. Я ещё сильнее прижимаюсь к ее руке и целую эту руку, для меня самую нежную руку на свете. Неожиданно Маша обнимает меня и привлекает к себе. Я утыкаюсь носом ей подмышку и впервые вдыхаю ее запах — запах юной девушки, свежий и чистый. А она аккуратно вытирает ладонью мои заплаканные глаза. Она ждёт пока я успокоюсь, а затем немного отодвигается от меня и смотрит мне в глаза. В нашей спальне не очень темно: за окном, за забором горят фонари и на улице ещё лето, да ночник горит над входом в спальню, поэтому я тоже её хорошо вижу. И впервые так близко вижу ее глаза... Она очень внимательно смотрит на меня, а я — на нее. «Ты наверное по маме соскучился?» — говорит она мне. «Ага — отвечаю я всхлипывая — и по тебе тоже». «По мне? — она удивленно смотрит на меня — почему?» Я не знаю что ей ответить, только еще сильнее прижимаюсь щекой к ее руке. «Это из за того, что я тогда тебе вызвала «скорую», когда ты... Это из за тех конфет, да?» «Нет, Маша, нет — я сообщаю что ей сказать и не знаю как — потому, что ты хоро-

шая и очень добрая». «Вот как? — она улыбается с полумраке нашей спальни и я чувствую, что второй рукой она касается моей щеки и гладит ее — и откуда же ты это узнал?» «Я не знаю, Маша. Я чувствую внутри» — я действительно еще слишком мал, что бы правильно ей объяснить свои ощущения, поэтому замолкаю и с надеждой на то, что она меня понимает смотрю на нее. Маша задумчиво смотрит на меня, а потом наклоняется ко мне близко — близко. Я ощущаю ее дыхание у себя на лице и закрываю глаза. И чувствую как она целует меня: сначала один глаз, потом второй, потом в лоб... Я очень хочу, что бы она поцеловала меня в губы, как порой это делает мама, но Маша уже отстраняется от меня и вытягивает свою руку так, что бы я удобнее лег на нее. Затем она поправляет на мне одеяло, подтыкая его мне за спину. «Лягушонок — шепчет она — ты что такой холодный? Замёрз?» И обнимает меня второй рукой. «Нет — шепчу я в ответ — мне тепло». Я разволновался вот и стал таким холодным. «Тогда спи — снова шепчет Маша — спокойной ночи». Я утыкаюсь холодным носом в её щеку и шепчу ей ответное: «спокойной ночи». И засыпаю. Мне так хорошо, так тепло и уютно рядом с ней, как никогда ещё не было. И мне больше ничего не нужно, только бы вот так как сейчас было всегда. И я вижу сны. И они такие хорошие, что просыпаться не хочется. Я знаю, что Маша рядом, что она со мной и хочу что бы так было всегда...

Маша... Милая моя Машенька... Никто не учил тебя как

обращаться с нами, с такими как я — детьми 5—6 летнего возраста. Ты, как и другие девочки в детстве играла в кукол, но как «иметь дело» с детьми, тем более детьми моего возраста — ты не знала. И некому тебя было этому научить: младших сестрёнки или братишки у тебя никогда не было, а родители вероятно думали, что «будут свои — научится, а там и мы что подскажем». В то время такое понятие было наверное у большинства родителей, особенно тех, чьё детство пришлось на трудные военные годы, когда старшим детям приходилось брать на себя воспитание младших. Был у тебя свой ребенок, да не суждено тебе было вырастить его... И в этом отношении, я был твоим первым ребенком, Маша. Им я для тебя и остался...

5.

Читать я научился очень рано: сначала мне читала мама, а я смотрел в книжках картинки, потом я узнал буквы и у четырем годам уже бегло читал различные книги и журнал «Веселые картинки», который для меня выписывали родители. И вот теперь, когда с тетей Фросей в наш сад приходит Дина — она потихоньку учит меня писать. Я сам подошёл к ней и попросил. И она согласилась. Я знаю, что она не очень любит играть с нами — «девочка уже большая, от того ей с вами уже не интересно» — говорит тетя Фрося. Но со мной она занимается. Даёт мне тетрадку и ручку, такую как

я видел у взрослых, показывает мне как правильно писать буквы и я стараюсь, что бы выходило как у нее — красиво, но пока плохо получается. Тетя Фрося говорит, что «не спеша всё получится» и я стараюсь не торопиться, писать аккуратно. Иногда ко мне присоединяется Олеся, она тоже хочет научиться писать. Ей сначала дают карандаш, но она плачет и просит ручку. А так как она у нас одна на двоих — мы пишем по очереди. У меня быстрее получается чем у нее: я уже потихоньку пишу целые слова, а она только буковки. Но она ещё маленькая и ей нужно будет многому учиться. Олеся — спокойная и доброжелательная девочка. Она всегда терпеливо ждёт, когда дойдет и до нее очередь писать в тетради буквы. Она смотрит как я пишу и смеётся: «Какая буква смешная — говорит она — как домик». Или «как палочка с крючочком». Ей всего три года и все что я уже знаю, ей тоже интересно. И мы часто общаемся с ней, особенно когда ложимся спать. Лежим на кроватях рядом и болтаем. Меня иногда дразнят наши мальчишки: «С малявкой дружится». А мне с ней интересно. Мне давно хотелось маленькую сестричку, поэтому когда Олеся играет с другими девочками мне становится без нее скучно. Тогда, если тетя Фрося приходит с Диной — я иду к ней и мы вдвоем садимся за стол, она мне даёт ручку и мы пишем уже целые предложения. Дина терпелива со мной и мне это очень приятно. Однажды я рассказал ей, что про себя называю ее «Василисой Прекрасной». На ее вопрос: «Почему?» — я ей рассказал, что она похожа на

царевну на картинке в книжке. Она долго смеялась, а после погладила меня по голове и попросила никому не говорить, что я её так называю. Она тоже хорошая девочка, как Олеся, только уже большая. А иногда, вечерами, перед ужином, мы сидим на лавочке с тетей Фросей и разговариваем, она рассказывает мне много нового и интересного. Она мне как бабушка, только «садовская». У нее очень приятный голос и она знает много разных историй, которых не знает никто. А так как она живёт неподалеку от нас — мне ещё приятнее, словно бы она шла мимо моего дома и принесла с собой частичку его. Так она мне и говорила, когда я был поменьше и очень скучал по дому. И я сразу успокаивался и уже не отходил от нее, засыпая ее вопросами, а она мне всегда терпеливо обо всем рассказывала. Теперь я уже большой и скоро пойду в школу, как мне Маша говорила. Там наверное мне тоже будет так же хорошо, как сейчас, когда рядом тетя Фрося, Олеся и иногда Дина. А может быть будет ещё лучше — ведь там рядом Маша. Когда я бываю дома, то прихожу к Машинному папе — дяде Ване. Он хороший, спокойный и добродушный человек, с которым мне всегда интересно: он показывает мне как строгать досочку, или пилить ее, а потом и мне даёт рубанок и ножовку попробовать построить и попилить. И я пилю и строгаю. А узнав, что я люблю читать — он даёт мне почитать различные детские книжки. Например: «Невидимки» — про мальчиков — партизан. А вот Машу я вижу ещё реже — мне говорят что она то с подружками гуля-

ет, то ещё какими то делами занимается и я сразу становлюсь грустным. И сразу становится скучно играть с друзьями — Серёжей, у которого кстати родилась маленькая сестричка Олечка, и с Игорем, но я всё равно играю. Иногда меня отводят ночевать к бабушке из Овсянниково, через железную дорогу. Она живёт с двумя своими дочерьми — старшими мамиными сестрами — тетей Шурой и тетей Машей. У них нет мужей и поэтому они живут с бабушкой. Когда я спрашиваю их о том, почему они не женились — они отвечают, что их женихов «война прибрала, а после уже другие невесты выросли». С ними вместе живёт мой двоюродный брат Коля, которого какая то ещё моя тетя Зоя «родила и бросила на бабушку». Он уже заканчивает школу и любит возиться со мной, но потом уходит к своим друзьям и я снова остаюсь с двумя старшими тетями и бабушкой. Они кормят меня каким то кулешом и говорят, если я не ем: «не хочешь кулеш — ничего не ешь» и посмеиваются надо мной. Им то можно — они уже очень взрослые, даже старше мамы. Я тоже очень хочу поскорее стать взрослым. Но не для того, что бы посмеивается над младшими, а что бы жениться на Маше. К этому выводу я пришел не так давно: если мы не можем быть сейчас вместе — значит потом нам надо будет обязательно пожениться. И тогда то мы уж точно будем всегда вместе. Но это мой секрет. И иногда я сижу в бабушкином яблоневом саду и про себя размышляю: «Читать я умею, писать меня научила Дина, пилить — строгать и забивать гвозди меня

научил Машин папа дядя Ваня... Бабушка Фрося тоже меня научила много чему, например терпению, рассказала мне много разных историй, из которых я тоже кое что выбрал для своей будущей жизни... Ну вот! Я уже жених хоть куда! Лучше и не нужно! Главное только что бы Маша это поняла. Надо только научиться правильно подобрать слова и сказать ей, что бы она вышла за меня замуж, когда я вырасту. И все. А дальше мы уже с ней будем жить вместе. Я ее обижать не буду, плохие слова тоже говорить не буду. И пить — курить как некоторые взрослые — не стану. О чем ни попросит — все сделаю: и гвоздик забью, и дырочку где нужно дрелью прокручу... И учиться буду хорошо — на одни «4» и «5», что бы она мной гордилась и говорила: «Вот какой у меня жених — умный, грамотный и умеет все делать. Вот вырастет и выйду за него замуж. А другого мужа мне не нужно!» (это если не будут уговаривать выйти за какогонибудь другого). Остаётся немного — вырасти поскорее. И я прошу у тети Маруси совета: как бы мне поскорее вырасти. Она и советует: кушай получше, как в школу пойду — что б учился хорошо и так далее. Я и ем: и яблоки разные, и груши, и сливы, и любимую мной клубнику, и кулеш, который я не очень люблю, но все равно ем. Но почему то все равно расту очень медленно... Школа находится недалеко от моего дома и иногда я перелезаю через забор и хожу на школьный двор. Там есть турник, на котором подтягиваются большие ребята. Только он высокий и я до него не достаю, только прыгаю вокруг него,

а взрослые ребята надо мной смеются. Наконец один из них подходит ко мне и поднимает меня на турник. Я болтаюсь на нем как «хрен на верёвочке» — так говорят большие ребята, а подтянуться никак не получается. Наконец взрослый парень берет меня за ноги и легонько подталкивает вверх. И я начинаю подтягиваться: раз, два, три, четыре, пять... Он опускает меня на землю и говорит: хочешь — приходи, научим тебя и подтягиваться, и отжиматься. Потом спрашивает хожу ли я в школу и я говорю, что на будущий год пойду. Он улыбается и я иду обратно к забору и слышу как он говорит другим парням: «У меня братишка младший такой же. Тоже в школу скоро пойдет...» А меня уже распирает радость: вот научусь отжиматься и подтягиваться, посмотрит Маша какой я сильный. И я её всегда буду защищать. И её, и маленькую Олесю. Ну и может быть когда Дину, если её будут обижать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.